

ЕПИСКОПЪ ЛАВРЕНТІЙ.

(Некрологъ).

30-го Марта, послѣ торжественнаго погребенія въ Высокопетровскомъ монастырѣ, на кладбищѣ Покровскаго монастыря опустили въ могилу прахъ Еп. Лаврентія. Такъ какъ почившій Преосвященный въ теченіе почти трехъ лѣтъ (съ Іюля 1895 г. по Мартъ 1898-го года) состоялъ Ректоромъ Московской Духовной Академіи, то это не только даетъ намъ право, но и налагаетъ на насъ нѣкоторое обязательство почитать его память соотвѣтствующимъ некрологомъ.

Епископъ Лаврентій, въ мѣрѣ Михаилъ Ивановичъ Некрасовъ, родился 1-го Ноября 1836 г. въ семьѣ священника села Полбина, Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи. Низшее образованіе онъ получилъ во второмъ Орловскомъ духовномъ училищѣ, среднее — въ Орловской духовной семинаріи и высшее—въ Кіевской Духовной Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1861-мъ году, со степенью магистра богословія, имѣя въ числѣ своихъ товарищей по выпуску покойнаго орлов. еп. Иринея Орду и только что передъ тѣмъ скончавшагося казанскаго архіепископа—Димитрія Самбикина.

Съ 29-го Сентября того-же 1861 г. начинается и духовно-учебная служба молодаго магистра, первоначально, въ должности преподавателя Воронежской семинаріи, гдѣ онъ послѣдовательно занималъ кафедры словесности, нравственнаго и обличительнаго богословія и гомилетики; одновременно съ этимъ онъ исполнялъ еще обязанности бібліотекаря и преподавателя французскаго языка. Затѣмъ, черезъ три года молодой наставникъ принимаетъ санъ и, не покидая семинаріи, становится еще и приходскимъ пастыремъ при Спасской, а потомъ Пятницкой церквахъ города Воронежа, гдѣ выдвигается, какъ умный, сердечный пастырь и талантливый проповѣдникъ.

Такія качества дѣятельнаго пастыря вскорѣ обусловили собою его переходъ на болѣе видное и вліятельное мѣсто—законоучителя Воронежскаго кадетскаго корпуса, (первоначально именовавшагося „военной гимназіей“), на которомъ онъ и оставался почти цѣлыхъ 30 лѣтъ, до 1894-го года. Воронежскому кадетскому корпусу, несомнѣнно, принадлежитъ лучшая, наиболѣе цвѣтущая пора трудовой жизни почившаго. Что дѣятельность его тутъ далеко не была бесплодна, что о. законоучитель пользовался искренней любовью молодежи и высокимъ, моральнымъ авторитетомъ среди сослуживцевъ, все это доказывается краснорѣчивыми жизненными фактами, нашедшими свое правдивое изображеніе, между прочимъ и въ приказѣ по корпусу, данномъ его начальникомъ, по поводу оставленія о. Некрасовымъ службы здѣсь. „Всѣ служащіе и кадеты—говорится въ приказѣ—горячо любили и искренно уважали своего духовнаго пастыря и большинство, даже по выходѣ изъ заведенія, продолжали поддерживать тѣсную связь съ бывшимъ законоучителемъ и духовникомъ, дѣлились съ нимъ своими радостями и просили совѣта и утѣшенія въ минуты горя и сомнѣній“...

Занимая должность корпуснаго законоучителя, о. Михайлъ не стоялъ въ сторонѣ и отъ епархіальной жизни, въ которой онъ и по назначенію духовнаго начальства и по выборамъ самого духовенства, принималъ самое живое и дѣятельное участіе, проходя разнообразныя должности, отъ выборнаго депутатства на епархіальный съѣздъ, до членства въ Воронежской духовной консисторіи и предсѣдательства въ мѣстномъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ, включительно.

Уже на склонѣ дней своихъ, похоронивши свою жену и воспитавъ семейство, о. Михайлъ, подъ вліяніемъ настойчивыхъ убѣжденій московскаго митрополита Сергія, принимаетъ въ 1894 г. монашество, съ именемъ Лаврентія и назначается архимандритомъ - настоятелемъ Покровскаго миссіонерскаго монастыря въ Москвѣ, причемъ на него вскорѣ возлагаются митрополитомъ и обязанности благочиннаго московскихъ монастырей. А ровно почти черезъ годъ архимандритъ Лаврентій, по волѣ того-же промовировавшаго его митрополита Сергія, возводится на высокой и отвѣтственный постъ Ректора Московской Академіи, гдѣ онъ долженъ былъ смѣнить собою молодаго, симпатичнаго, пользовавшагося тогда огромной популярностью въ Академическихъ кругахъ, но

потому-то, вѣроятно, заподозрѣннаго высшей епархіальной властью и негоднаго для нея, архимандрита Антонія Храповицкаго, теперь извѣстнаго Волынскаго Архіепископа.

Почти цѣлыхъ три года архимандритъ Лаврентій несъ тяжелое иго, принятаго за послушаніе, высокаго начальствованія, проходя его при самыхъ неблагопріятныхъ, морально тягостныхъ условіяхъ—сильнаго давленія сверху и глухой, но постоянно дававшей себя чувствовать, оппозиціи снизу.

Онъ былъ ставленникомъ суроваго, властнаго и—нечего этого скрывать—недолюбливавшаго Академію митрополита Сергія; онъ явился къ намъ не въ ореолѣ академической учености и славы, а въ скромномъ званіи стараго кievскаго магистра; онъ пришелъ въ Академію не въ разцвѣтѣ жизненной энергіи и молодыхъ силъ, а уже на склонѣ дней своихъ, послѣ продолжительной трудовой лямки, въ кругахъ далекихъ отъ жизни и интересовъ высшей школы. А главное, архимандритъ Лаврентій былъ посланъ въ Академію съ спеціальной цѣлью искоренить въ ней тотъ зловердннй духъ, который будто-бы насадилъ въ ней нашъ популярнѣйшій и любимѣйшій о. Ректоръ—архимандритъ Антоній Храповицкій.

Вотъ при какихъ морально тягостныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ вступалъ на трудный и отвѣтственный постъ Академической ректуры почившій епископъ Лаврентій. Нужно было не мало ума и такта, чтобы не растеряться въ такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ и выйти изъ нихъ, если не съ полнымъ торжествомъ, то и безъ серьезнаго урона. И мы можемъ сказать, что ему, въ значительной степени, удалось этого достигнуть.

Авторъ настоящей статьи былъ тогда еще студентомъ и потому, не зная тогдашняго настроенія профессорской корпораціи, не рискуеть ничего говорить отъ ея лица. Лишь, въ видѣ догадки, онъ рѣшается предположить, что на отношеніе корпораціи къ новому ректору сильное и для него неблагопріятное вліяніе оказала извѣстная „нечаевская“ ревизія, печально совпавшая съ началомъ его ректуры.

Но что касается насъ, студентовъ, наиболѣе оппозиціонно встрѣтившихъ такую переменъ ректоровъ, то мы вскорѣ же не только вполнѣ примирились съ новымъ своимъ ректоромъ, но успѣли его оцѣнить и даже полюбить.

Насъ привлекало въ новомъ ректорѣ его всегда спокойно

ровное, съ оттѣнкомъ благодушной ироніи настроеніе, открытый, ласковый взоръ его умныхъ, слегка смѣющихся глазъ, его удивительная находчивость и рѣдкостное остроуміе, его глубокое пониманіе запутанныхъ жизненно - практическихъ отношеній, его отечески внимательное, хотя и чуждое сантиментальной слащавости, отношеніе къ студентамъ, его искреннее сочувствіе къ дѣйствительному студенческому горю и посильная готовность ему помочь.

Особенно популярна была среди тогдашняго академическаго студенчества поразительная находчивость и остроуміе о. Ректора, которымъ онъ нерѣдко такъ удачно парировалъ наши, иногда, быть можетъ, слишкомъ притязательныя требованія. Такъ что среди студентовъ Академіи постоянно ходили анекдотическіе рассказы о различныхъ *bons-mots* и островахъ нашего „папаши“, или даже „дѣдушки“, какъ вскорѣ стали называть своего новаго ректора вполне примирившіеся съ нимъ и даже полюбившіе его студенты.

Такая духовная связь преосвященнаго Лавренція съ своими академическими питомцами не была чисто вѣншею, случайной и мимолетной: она нерѣдко выходила за стѣны Академіи и заявляла о себѣ въ ихъ послѣдующей жизни. Самъ преосвященный Лавренцій, проходя чреду епископскаго служенія въ Курскѣ и Тулѣ, всегда съ особенной любовью принималъ и даже вызывалъ къ себѣ на службу своихъ академическихъ учениковъ, къ которымъ относился отечески ласково и просто. Въ свою очередь, и многіе его академическіе питомцы, даже не стоявшіе ни въ какой служебной зависимости отъ него, охотно поддерживали съ нимъ самыя живыя и сердечныя письменныя и личныя сношенія.

Въ Февралѣ 1898 г. умеръ митрополитъ Сергій, оставившій какъ бы завѣщаніе возвести своего избранника—архим. Лавренція, въ санъ епископа, что вскорѣ и было, дѣйствительно, исполнено. 7-го Марта 1898 г. архимандритъ Лавренцій былъ назначенъ сразу же на самостоятельную и видную кафедру—епископа Курскаго и Бѣлгородскаго. Здѣсь онъ пробылъ слишкомъ шесть лѣтъ, до Іюня 1904-го года, когда былъ переведенъ, очевидно, „для пользы службы“ на другую, въ всякомъ случаѣ, далеко не лучшую Тульскую кафедру. На этой послѣдней онъ прослужилъ около четырехъ лѣтъ, до того момента, когда въ Февралѣ текущаго года онъ былъ

уволень на покой, съ назначеніемъ его въ настоятели одного небольшого, захолустнаго монастыря той-же Тульской епархіи (Бѣлевскаго).

Умный, наблюдательный и вдумчивый отъ природы, прошедшій долготѣнній искусь предварительной пастырской подготовки, опытно знакомый со всѣми тонкостями консисторской волокиты, преосвященный Лаврентій, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ архипастырей практиковъ, умѣвшихъ входить въ дѣйствительныя нужды своей паствы и содѣйствовать возможному облегченію ихъ. Особенно близко къ сердцу онъ принималъ тяжелое матеріальное положеніе духовенства—обезпеченіе его вдовъ и сиротъ и воспитаніе духовнаго юношества обоюга пола. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ не обходилось иногда и безъ серьезныхъ недоразумѣній и столкновеній, въ родѣ того, какое имѣлъ напр. преосвященный Лаврентій въ Курскѣ, по вопросу о постройкѣ Епархіальнаго Училища. Но несомнѣнно, что даже и въ такихъ случаяхъ имъ всегда руководилъ чистый, идейный интересъ и искренняя любовь къ молодежи, которая у него съ годами не только не ослабѣвала, но какъ-бы росла и крѣпла. Свидѣтельствомъ этого служить отношеніе почившаго къ духовно-учебнымъ заведеніямъ его епархіи въ самый послѣдній годъ его управленія: онъ, напр. очень живо интересовался достройкой Бѣлевскаго Епархіальнаго женскаго училища и жертвовалъ на это значительныя суммы даже изъ личныхъ своихъ средствъ.

Еще большую услугу онъ оказалъ Тульской духовной семинаріи, когда рѣшительно отклонилъ настойчивое предложеніе мѣстнаго ректора,—молодаго, властнаго инока съ сильной поддержкой наверху, закрыть семинарію, по случаю какого-то происшедшаго въ ней безпорядка, далеко не имѣющаго въ себѣ ничего угрожающаго. Правда, энергичный отказъ сильному ректору, повидимому, не прошелъ даромъ Преосвященному Лаврентію, такъ какъ онъ, по слухамъ, былъ однимъ изъ мотивовъ къ его удаленію на покой. Но во всякомъ случаѣ, такой, можно сказать, самоотверженный, чуть не геройскій поступокъ Владыки, рекомендуетъ его, какъ человѣка твердаго и рѣшительнаго, привыкшаго жить своимъ умомъ, а не дѣйствовать по чужой указкѣ и не считаться съ различными посторонними соображеніями.

Это, не особенно частое у служивыхъ людей, но потому особенно цѣнное въ нихъ, качество снискало преосвящ. Лаврентію искреннее уваженіе и любовь въ глазахъ всѣхъ честныхъ и правдивыхъ лицъ. Но оно же породило и его враговъ—недоброжелателей, въ особенности, изъ числа крайнихъ политическихъ партій, которые не постѣснились завинить его—одного изъ лучшихъ представителей чистаго, идейнаго консерватизма—чуть не въ крамолѣ, или, по меньшей мѣрѣ, въ сочувствіи „жидамъ и освобожденцамъ“.

Результатомъ дѣятельности этихъ темныхъ, оппозиціонныхъ силъ ибыла та компанія, которая велась противъ него въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и которая, первоначально, вызвала у него ревизію, а затѣмъ привела и къ полному увольненію его на покой. По крайней мѣрѣ, такъ, именно, повидимому, смотрѣлъ на это дѣло и самъ почившій. Ровно за мѣсяцъ до своей кончины, онъ, въ письмѣ къ автору настоящей статьи, прикровенно выражается объ этомъ въ такой остроумной игрѣ словъ, являющейся, вообще, одной изъ самыхъ типичныхъ особенностей его живаго, остраго ума и сильнаго, выразительнаго языка. „Какъ и почему я попалъ въ Бѣлевъ—пишетъ здѣсь преосвящ. Лаврентій—объ этомъ никто не знаетъ, ниже тѣ, кто подписывалъ указъ о моемъ увольненіи. Ибо у нихъ, очевидно, по слову Евангелія, правая рука не знаетъ, что творитъ лѣвая; хотя лѣвой-то и слѣдовало-бы знать, чего хотять правые, для того, чтобы исправиться“...

Это невольное удаленіе на покой, въ особенности по связи съ тѣми мотивами, которыми оно, главнымъ образомъ, было вызвано несомнѣнно сильно и больно отразилось на психологіи и самочувствіи Владыки. Правда, въ самое послѣднее время ему снова дано было маленькое утѣшеніе: Высокопреосвященный московскій митрополитъ, по просьбѣ самого почившаго, предоставилъ ему должность настоятеля Московскаго Высокопетровскаго монастыря и назначилъ членомъ московской синодальной конторы. Но всѣмъ этимъ ему уже не суждено было воспользоваться. Въ Москву Преосвященный Лаврентій прибылъ 18-го Марта, съ легкимъ нездоровьемъ (инфлуэнца), которое вскорѣ перешло въ болѣе серьезную болѣзнь (воспаленіе легкихъ), приведшую къ роковой развязкѣ. 26-го Марта, по принятіи Св. Тайнъ, въ полномъ сознаніи, онъ тихо, почти безболѣзненно скончался на рукахъ

своихъ дѣтей.

30-го Марта состоялось торжественное погребеніе почившаго, при огромномъ стеченіи народа. Заупокойную литургію совершалъ преосвященный Трифонъ, а на отпѣваніе вышли: только что прибывшій къ этому дню изъ Петербурга, Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Владиміръ, специально пріѣхавшій для этого Ректоръ Москов. Духов. Академіи Преосвященный Евдокимъ и московскій викарій Преосвященный Анастасій, ученикъ почившаго по Академіи. Въ длинномъ ряду сослужившихъ имъ архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ не мало было и другихъ видныхъ представителей духовенства, въ томъ числѣ сотрудниковъ почившаго іерарха по Тульской епархіи и его учениковъ по Московской Духовной Академіи.

Гробъ почившаго Преосвященнаго, вмѣстѣ съ его ближайшими родственниками, окружали многочисленныя депутаціи отъ разныхъ учреждений и лицъ, среди которыхъ протекала его продолжительная служебная дѣятельность. Въ частности, представителями Москов. Дух. Академіи, кромѣ самого Ректора Академіи—Преосвященнаго Евдокима, былъ заслуженный ординарный профессоръ В. А. Соколовъ, состоявшій при почившемъ также и редакторомъ Богослов. Вѣстника, экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій—ученикъ почившаго по Академіи и нѣсколько студентовъ Академіи.

Вмѣсто причастнаго стиха, произнесъ слово, посвященное памяти почившаго, законоучитель Воронежскаго кадетскаго корпуса—С. Г. Звѣревъ, его преемникъ тамъ по должности. А въ концѣ чина погребенія душевную и сильную рѣчь сказалъ зять почившаго, преподав. москов. семинаріи—М. И. Струженцовъ.

Изъ храма Высокопетровскаго монастыря, гдѣ совершалось погребеніе, траурная процессія двинулась на кладбище Покровскаго монастыря. Весь этотъ немалый путь, во главѣ процессіи, шествовалъ Преосвященный Евдокимъ, сопровождаемый о.о. архимандритами и прочимъ духовенствомъ. А на кладбищѣ монастыря печальный кортежъ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Анастасіемъ. При преданіи тѣла землѣ, нѣсколько теплыхъ словъ сказалъ представитель Тульскаго духовенства—о. протоіерей Моригеровскій. Затѣмъ, на свѣжей могилѣ тотчасъ же былъ водруженъ металлическій

крестъ, съ вдѣланной въ него иконой и неугасимой лампадой предъ ней, пожертвованной, вмѣсто вѣнка, отъ сослуживцевъ и учениковъ Воронежскаго кадетскаго корпуса.

Среди своихъ постоянныхъ пастырско-практическихъ заботъ, преосвященный Лаврентій находилъ досугъ и для литературной работы. Имъ написано нѣсколько духовно-публицистическихъ статей и цѣлый рядъ какъ отдѣльныхъ проповѣдей, такъ и систематическихъ собраній ихъ. Изъ произведеній первой категоріи нельзя не отмѣтить его „Воронежскихъ писемъ“, печатавшихся въ 60-хъ годахъ въ гремѣвшемъ тогда „Православномъ Обзорѣнїи“, и касавшихся многихъ злободневныхъ вопросовъ предстоявшей тогда духовно-учебной реформы. Для примѣра можно указать на статьи: „По поводу прїемныхъ экзаменовъ“, „Что дѣлать съ многочисленнымъ ученикомъ въ семинаріи?“ (Прав. Об. 1864, 1), „По поводу преобразованію духовно-учебныхъ заведеній“ (1863 г. 10; 64, 4, 10, 11) и др.

Изъ другихъ, церковно-историческихъ и гомилетическихъ трудовъ Преосвященнаго Лаврентія, отмѣтимъ лишь его наиболѣе значительныя, отдѣльныя изданія: 1) „Слова и рѣчи“, первый сборникъ его проповѣдей, изданный въ 1881 г. 2) „Добрый пастырь“, 3) „Вѣкъ апостольскій“, 4) „Жизнь св. Митрофана, перваго еп. Воронежскаго“, 5) Жизнь Антонія, Архіеп. Воронежскаго, 6) Св. Четырдесятница, 6) Страстная Седмица, 8) Слова и рѣчи на праздники Господскіе, Богородичныя и дни святыхъ“, 9) „Дневникъ Священнослужителя“—поученія по житіямъ свв. восточной церкви на каждый день года, въ двухъ большихъ томахъ, изданный въ 1906 г. Смерть застала его за обработкой новаго проповѣдническаго труда—круга поученій изъ жизни русскихъ святыхъ,—чего онъ, къ сожалѣнію, закончить не успѣлъ.

Да будетъ же свѣтла и чиста память почившаго епископа Лаврентія! Беру на себя смѣлость, почтить его память глубокой сердечной благодарностью отъ лица всего, прошедшаго черезъ его руки, академическаго студенчества. И пусть, на этомъ краснорѣчивомъ примѣрѣ, для всѣхъ будетъ ясно, что чуткая молодость можетъ цѣнить и уважать почтенную старость, если эта послѣдняя захочетъ понять и полюбить увлекающуюся молодость.

А. П.